

Ждем веселых историй

Говорят, смех лечит и даже когда очень плохо, надо улыбнуться, и проблемы покажутся не такими уж страшными. Может быть, и вы, уважаемые читатели, знаете это по собственному опыту. Но как бы то ни было, улыбка еще никогда не мешала, а только согревала душу, веселила, создавала хорошее настроение. Поэтому мы и открываем страничку «С улыбкой» и предлагаем вам принять участие в ее создании. Пришлите свои веселые истории, стихи, фотоснимки, понравившиеся анекдоты. Лучшие творческие работы примут участие в конкурсе, итоги которого подведем в конце года.

Письма с пометкой «Улыбка» можно направлять как традиционным письмом, так и на наш электронный адрес kash-izv@yandex.ru.

Фото В. Лебедева

Людмила Бондарь

«Детство сияет, как радуга в небе»

Посвещаю сестре Аллочке и моей однокласснице О. А. Агранат

У Лельки опять нескончаемые гости. Но вот ушли последние. Мы — одни. Быстро распахиваем оставшуюся еду в холодильнике и на балконе. Лелька стелет свежую скатерку, ставит на стол ледяной «Брют». Зеленоватый свет торшера делает шампанское в фужерах похожим на любимый с детства напиток «Тархун». Это сходство тянет за собой длинный и пышный хвост общих воспоминаний. Смесь и перебивая друг друга, мы вспоминаем милое сердцу детство.

— Мил, а помнишь наши пещеры?
— Как не помнить! Высокие, метра три сугробы, в которых мы устраивали целые комнаты со столами и лавками — тоже из снега.

— А снег! Какой был снег! Оглушающе хрусткий, спящий на солнце, а в пещере — голубоватый.

— А помнишь, где мы учиться начинали?
— Где?

— Ну, ты что, Мил! Помнишь, пожар? Вся деревня сбежалась. Трещало так, что жуть брала. Говорили, будто кто-то из мальчишек осино гнездо под самой крышей спалил. А дом деревянный — вспыхнул и сгорел дотла, прихватив пламенем и деревенскую школу. Весь год мы в клубе учились. В фойе парты, доски учебные стояли, и еще — полумрак от скудного света двух лампочек.

— Да-да, что-то такое припоминаю, но ярче запомнилось огорчение, когда в первом классе меня посадили рядом с заносчивой, своенравной девчонкой, которую вскоре весь класс назвал «ябеда-корябеда». На ее фарфоровом личике тоже не было восторга от соседства со мной. Но возражать не было смысла: так сговорились наши мамы.

Лелькины мысли крутятся по другой орбите. Не обратив внимания на мои слова, она увидит меня по тропинке своей памяти.

— А помнишь Пирата — лохматую черную собаку, похожую на поmess «водолаза» и овчарки?

— Конечно, помню. У нее еще особенность была: пока она на цепи — это свирепая псина, типа: «Но мне не подохои. Я при исполнении». — Да-да, верно. А когда с цепи спускали, сразу друг-приятель всей детворе. И тут потеха начиналась. Ты звала своего старшего брата. Он хоть и пренебрегал детскими забавами, но в помощи никогда не отказывал. Помнишь, как он ловко олутивал Пирата ремешками и крепил их к широченным салазкам, куда тесно набивалась ребячья ватага. Пират стоял как вкопанный. Затем наступал ответственный момент. Олег отходил в сторону, и звучала команда: «Готово!».

— Помню! Помню! Лелька, дай дальше я расскажу.

— Ну, давай. Проверим твою память.

— По этой команде заводила Витяка бросал перед собачьей мордой своего толстого кота Мартина. Пират подскакивал от изумления. Забыв про лень, Мартин кубарем катился с ледяной горы, следом мчался пес, салазки неслись с бешеной скоростью. Внизу Пират на всем ходу делал резкий рывок в сторону и, задрвав морду, облавив кота, взлетевшего на макушку спасительного дерева, а мы с визгом валялись в снег из перевернутых санок. Этот цирк повторялся каждый день. Разве такое забудешь!

— Подруга, а помнишь, как нас в каширскую музыкальную школу возили?

Мы вспоминаем снежную зиму и ту экзотическую поездку в город в двадцатидесятиградусный мороз. Снова мысленно утопаем, как много лет назад, в мягкой колючке сена, укутанные поверх просторным тупупом. Темная лошадка споро везет легкие сани. На улице морозика. Нам не до красот лесной дороги — мы зарываемся носами в теплый густой мех. Пригрелись. Но вот слышится шум машин. Я осторожно высовываюсь, и мне страшно: кажутся, машины несутся прямо на нас. Но, приближаясь, они притормаживают и аккуратно, даже как-то бережно объезжают наш гужевой транспорт. Сани останавливаются около знакомого двухэтажного здания в желтой известке. Мы выбираемся из своего гнезда, отряхиваем с пальтишек приставшие сухие травинки. Нас встречает веселый директор Дома культуры — Петр Абрамович и под общий смех ребячьей толпы, обступившей нас, как какую-то невидаль, читает некрассовские строки: «Однажды в студеную зимнюю пору...» и дальше — про лошадку и тупуп. Смущенные всеобщим вниманием и своим, совсем не городским видом транспорта, мы быстренько ныряем в музыкальный класс.

Музыкантами мы не стали, но неукротимое стремление наших родителей к искусству, культуре, образованию, пронесенное ими сквозь разруху и голод, репрессии и войну, подарило нам возможность приобщения к прекрасным поприщам человечества. И именно музыкальная школа в небольшом приокском городке вкупе с природой явились для нас живительным источником познания вечных ценностей мира.

Пока я размышляю об этом, жизнерадостная, гостеприимная Лелька стелет мне на диване. Уже поздно. Мы опять засиделись. Все-таки правы были наши матери, когда, презрев детские капризы, посадили меня и Лельку за одну парту. С этой мыслью я засыпаю.

Геннадий Локтев

Про орехи

Лето в подмосковной деревне. День понемногу движется к вечеру. Я полдня провел в лесу. Больше шатался просто так, нежели занимался собирательством его даров. Слушал горлиц и соек, сквозь кроны деревьев любовался солнцем и небом. На выходе из леса напал на орешник. Не удержался, набил карманы орехами. Ядра полные, плотные, в самый раз. Иду к деревне, щелкаю скорлупками.

Возле дома моей бабушки, на траве у палисадника, сидят и что-то обсуждают мой дядя Толя и его двоюродный брат, получается тоже мой дядя, Петр. Подхожу к ним и сразу же становлюсь объектом насмешек. Спокойно слушаю, посмеиваясь вместе с ними, хотя на душе не очень-то и весело.

Достаю из кармана горсть орехов. Угощаю. Дядьки берут мои гостинцы, смотрят на меня. Я лихо закидываю орех в рот, звучно хрумкая и с легким чавканьем поглощаю ядрышко. Они вертят головами в поисках подходящих камушков, но не находят и посылают меня домой за пассатижами, я посылаю их. Мне и лет-то всего ничего, но коварство уже зарезило мою кровь.

Ни один, ни второй не могли похвастать крепостью зубов. Они мнутса. А я с еще большим удовольствием причмокиваю. Первым не выдерживает дядя Петя. Кидает в рот орех. Перекатывая его, подбирает там пару достойных зубов. Нашел, зажмурился — щелк. На землю летят скорлупки, дядя Петя поедает добычу. Анатолий коится на брата, но пока не рискует. Дядя Петя забрасывает второй орех. Щелк. На землю летят целый орех, кусок зуба, а в мою сторону вскрик от боли вперемежку с прокля-

тиями моей маме. Дядя Толя мгновенно выплевывает свой орех. Сочувствует родственнику. Но того скрутила боль. Куда? В деревню! В выходной! Вечером! С большим зубом! Только к Катке за самогоном.

Иду я. беру в долг две бутылки, предполагая, что одной тут не обойдешься. Так и вышло. После первой боль только усилилась. Дядя Толя вспоминает, что в армии, на боевом дежурстве, удалил сослуживцу зуб пассатижами. Большой недочервичи смотрит и стонет.

— Вот те крест! — божится дантист поневолле. — Чтоб мне провалиться.

Боль сворачивает дядю Петю в калач. Иду за пассатижами. Подумал, взяв еще и бокорезы. Они больше похожи на известные клещи.

Сто пятьдесят граммов перед операцией для анестезии. Сто граммов наготове для дезинфекции. Дядя Толя кружит вокруг стонущего родственника с бокорезами. Дядя Петя со стаканом в руке уже не только стонет, но и подвывает. Вот дядя Толя нашел зуб. Зацепил. Тьфу, сорвался. Ну-ка, еще раз! Зацепил. Крякнул. «Уу-уфф! Тут!». В бокорезах мучитель. «На, убери на память». Дядя Петя опрокидывает стакан с самогоном, выдыхает, шарит языком во рту.

— Ты что натворил, гад? Ты мне здоровый зуб вырвал!

Я, конечно же, смылся. Конца их разборок не видел. Но слышал, что, несмотря на то, что был удален не тот зуб, больной перестал болеть и до старости не тревожил своего хозяина. Видимо, боялся, что его постигнет участь здорового соседа. Я же впоследствии чуть не был бит дядьками за то, что еще раз осмелился угостить их орехами.

Народ шутит

— Никто не терял пачку денег, привязанную зеленой провололочкой?
— Я! Я потерял!
— Держите, вот я от них провололочку нашел!

***

Командир:
— Рядовой Иванов, выйти из строя!
Иванов падает без сознания. Грохот...

Командир:
— Что с ним?
— Вышел из строя...

***

Муж, возвратясь домой, застал любовника, который тут же бросился бежать прочь. Муж:

— Вот невоспитанность! Ни мне — «Здравствуйте», ни жене — «Спасибо», ни нам обоим — «До свидания»...

***

Перед предстоящей операцией пациентка была вне себя от волнения.

И ей не стало легче, когда сестра в приемном покое спросила: «Вам уже когда-нибудь удаляли аппендицит?».

***

Умер старый еврей. Вскрыли его завещание, читают: «Дочке моей, Сарочке, оставляю 100 тысяч долларов и дом. Внучке моей, Ривочке, оставляю 200 тысяч долларов и дачу. Зятю моему, Шмулику, который просил упомянуть его в завещании, упоминаю: Привет тебе, Шмулик!».

***

Конец сеанса в кинотеатре. Выходят двое. Один другомоу:
— Жаль, мне не 15 лет!
— Почему?
— Тогда меня не пустили бы на этот фильм!

***

Ночь. Тишина. Дежурная часть. За столом спит лейтенант. В окне появляется пьяная рожа:
— Лейтенант, не видели тут маленькой белой собачки?

— Нет, не видел...

— А вы сколько здесь работаете?
— Двадцать лет, а что?
— Столько лет работали, и не разу не видели маленькой белой собачки!?